

Л.И. Летягин
УрГПУ, Екатеринбург

О МИФАХ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА»

Нет никаких сомнений в том, что задача воспитания патриотизма в условиях современной России приобретает особое практическое значение. Понижение уровня национальной самооценки, утрата консенсуса по поводу базовых социальных ценностей в перспективе означает окончательный «разрыв» единого духовного пространства российского общества, утерю национальной самоидентификации, угрозу безопасности существования России как суверенного государства.

Существует ли на самом деле тот «патриотический нигилизм», который получает «широкое распространение» и должен быть «реально преодолен», как утверждает в научной и публицистической литературе?

В чем же причины кризиса «национальной самоидентификации», насколько глубок и обратим этот процесс?

Ответы на эти вопросы зависят, прежде всего, от того, каким статусом мы наделяем понятие «патриотизм».

Если речь идет о его классическом (традиционном) определении, то «патриотизм – это любовь к стране. Она включает привязанность к родной земле и людям, восхищение ее обычаями, традициями, гордость за свою историю и уровень благосостояния. Все это предполагает чувство единства всех граждан» [1].

Таким образом, патриотизм, если так можно выразиться, имеет:

- а) «географический аспект» (любовь к «родной земле»);
- б) включает в себя разнообразные феномены культурной и духовной жизни (любовь к традициям, обычаям и т. д.);
- в) социально-психологические факторы (гордость за историю и за достигнутое благополучие, чувство единства).

С этих позиций признание резкого усиления «патриотического нигилизма» в современной России, силы его влияния, степени укорененности в российском общественном сознании явно преувеличены.

Любой, родившийся и проживший на родине достаточно долго и уехавший, например, в другую страну, будет испытывать ностальгию по «отчему дому и отчим могилам», «улице, фонарю, аптеке», «березкам», друзьям, товарищам. При этом чувство ностальгии присуще не только нашим соотечественникам и не является «загадкой» исключительно «русской души». Точно такую же тоску по родине («барханам», «оленьям», «болотам» и т. д.) испытывают и представители фактически всех народов, по крайней мере в своем подавляющем большинстве.

Значительное же число граждан, покинувших Россию в течение последних лет, составляют отнюдь не «любители экзотики» в виде географических «достопримечательностей», «иных запахов» и «кухни».

Второй подход к анализу понятия «патриотизма» связан с введением категории «государственного (державного) патриотизма», который в «снятом» и, по сути дела, «подчиненном виде» включает «традиционный патриотизм».

Государственный (державный) патриотизм выступает «первоочередным условием укрепления государственности», «функционирования социальных институтов, общества и личности» [2]. Тем самым понятие «отечества», оказываясь «многослойным» и «предельно широким», включает в себя государство, а «любовь к отечеству», соответственно, означает преданность, стремление своими действиями *служить интересам государства*.

Заметим, что еще совсем недавно, патриотизм, рассматриваемый с позиций «классового подхода», уже определялся как «любовь к социалистическому отечеству, беззаветная преданность делу социализма и коммунизма» [3].

Здесь, как и в приведенном выше случае, патриотизму придается статус *политической идеологии*, основной функцией которой всегда являлось и является защита (сохранение) существующего политического режима, данной формы государственной власти, на что указывал такой классик теории идеологии, как К. Мангейм (K. Mannheim).

Но если главной функцией патриотизма оказывается идеологическая функция, то это означает, что он, и это закономерность любого классового общества, призван выполнять функцию *сохранения данного политического режима и защиты интересов правящей политической элиты путем сокрытия реальных классовых противоречий и «обоснования необходимости» формирования «объединяющей национальной идеи»,* некоего «национального единства».

Это *принципиальное положение*, позволяющее понять, в чем причины «государственно-патриотического нигилизма», который действительно получил распространение в России и который проявляется в недоверии, неуважении, в «предельном случае» – в противостоянии граждан проводимой государством и его органами внешней и в особенности внутренней политике. «Государственный патриотизм» как *феномен массового сознания и фактор массового поведения* невозможен в условиях невыполнения государством своих основных функций и обязательств перед всем обществом или распространения их лишь среди привилегированной части граждан.

Выполняет ли наше государство свои обязательства перед гражданами, т. е. тот общественный договор, который закреплён в Конституции РФ?

Согласно этому договору государство *обязано* осуществлять, например, такие важнейшие функции, как функцию охраны порядка (которую выполняют такие специализированные государственные институты, как полиция, прокуратура, суды и т. д.), хозяйственно-организационную функцию, сутью которой является помощь (путем соответствующих нормативно-правовых актов) хозяйственным субъектам, включая малый и средний бизнес, функцию социальную (медицина, образование, пенсионное обеспечение и т. д.).

Что касается функции охраны порядка, то все мы прекрасно знаем, как работает полиция, функционируют суд и прокуратура.

То же самое касается помощи хозяйственным субъектам, которые попали в ситуацию «между молотом и наковальней», где молотом выступает сложившаяся система «новой демократической коррумпированной бюрократии», а наковальней выступает она же в форме организованной финансово-экономической преступности.

Наблюдается деградация системы страховой медицины, образования, пенсионного обеспечения, молодежной политики и т. д.

Не будет преувеличением сказать, что в современной России государство все более и более приобретает «виртуальный» и во многом декоративный характер по отношению к подавляющему большинству своих граждан, «проявляясь» в реальности лишь в случае выборов или угрозы существующему строю.

О каком государственном патриотизме, какой любви и преданности государству может идти речь в этих условиях?

Тем не менее, в нашей научной и публицистической литературе широко распространено мнение, что у нас есть какой-то свой «национальный», «особенный», «учитывающий российскую специфику» вариант возрождения патриотизма.

Увы, это не так – патриотизм в любой его форме, как феномен массового сознания, развивается по объективным социальным законам. С такой же железной необходимостью, как меняются времена года (и смена которых не может быть отменена ни декретом, ни заклинаниями), патриотизм не может быть «введен» или «отменен», «включен» или «выключен» на манер электрической лампочки.

Если мы живем в обществе с рыночной экономикой, если оно разделено на классы, если государство и его органы не выполняют свои функции или, что то же самое, *выражают и защищают интересы относительно небольшой группы населения, по сути дела игнорирующей «общие интересы»*, тогда как другой его, несравненно большей части *предлагается неукоснительно выполнять «свои обязанности перед родиной»*, то в этих условиях возможности патриотического воспитания представляются нереальными и приобретают мифологический или, скорее, магический ха-

рактический характер в виде различного рода обрядов, заклинаний и т. д. Нарушение «общественного договора» – неспособность государства выполнять главные его обязанности (охраны порядка, жизни, здоровья, собственности граждан, проведения справедливой социальной политики) ставит под вопрос его собственное существование в прежнем виде – это объективный закон развития любого государства.

Еще одной закономерностью развития отношения «гражданин – государство» в условиях невыполнения государством своих обязанностей является неспособность индивида противостоять государству и реальная возможность государства (обладающего всем многообразием властных ресурсов-полномочий) постоянно менять «правила игры» и в конечном счете дезавуировать как «неподходящие в данное трудное время» свои обязательства.

С этих позиций, реально оценивая сложившуюся обстановку, можно говорить о трех основных вариантах («сценариях») преодоления государственно-патриотического нигилизма:

1) нахождение «внешних» и «внутренних» врагов и практическая борьба с ними, что может иметь как положительное значение (если эти враги реальны – например, организованная преступность, как финансово-экономическая, так и криминальная) для формирования доверия к государству, так и отрицательное, если враг будет «назначен». В последнем случае, и это объективная закономерность, несовпадение «феномена» и «ноумена» приведет к необходимости постепенного включения во «вражеский лагерь» все новых и новых членов, в итоге неизбежно возрождение тоталитаризма в любых его проявлениях (от фашизма до большевизма);

2) «активизация» процессов воспитания государственного патриотизма. Поскольку «реальность будет постоянно посрамлять идею» (К. Маркс) и воспитание будет расходиться с реальностью, оно должно будет приобрести обязательный характер, сопровождаться применением методов усиленной «промывки мозгов» и манипулирования сознанием. Необходимым в этих условиях является введение жесткой цензуры (включая контроль над Интернетом) и ограниченной изоляции страны. Итогом может явиться режим «твердой руки», предполагающий отказ от основных демократических принципов, что будет означать быстрый переход к авторитаризму и постепенное «сползание» в тоталитаризм;

3) государство и его органы, проявляя *политическую волю (как волю и стремление подавляющей части граждан к достойной жизни для себя и своих детей и внуков)*, осознавая свой патриотический долг и способствуя тем самым самосохранению «данной» политической структуры, действуя в рамках положений «общественного договора», изложенных в Конституции, определяют *реальные* приоритеты (отражающие наиболее значимые для граждан проблемы), приступают к *их практическому решению*,

используя все ресурсы власти. В этом случае у государства нет необходимости ни в «промывании мозгов», ни в поисках «внешних» и «внутренних» врагов, ни в изоляции страны, тем более в «возбуждении патриотических чувств и настроений», в культивировании «мягких», «твердых» и иных форм национализма.

Только тогда каждый гражданин сознательно примет основные инвективы патриотизма, но не как политической идеологии в форме государственного патриотизма, а как уважения к государству и его институтам (формам, средствам власти), становясь активным участником процессов реформирования и развития нашей родины, и именно тогда понимаемый в таком аспекте «государственный патриотизм» может выступить одним из важнейших средств этих преобразований.

Библиографический список

1. World Book Encyclopedia. 2003. Vol. 15.
2. Лутовинов В. Патриотизм // Основы безопасности жизнедеятельности. 1999. № 3.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

И.В. Рязанов
ПГСХА, Пермь

ПЕРМСКИЙ МИФ: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Проблема региональной идентификации является достаточно актуальной для исследований, которые, в границах социально-гуманитарного знания, моделируют процессы, характеризующие мифологические параметры современной культуры. Одной из таких иллюстраций может служить проект исследования культурной археологии Пермского мифа, который стал одной из отправных точек исследования тенденций современной культуры, связанных с мифотворчеством. В числе представителей региональных научных школ, чья многолетняя научная деятельность связана с изучением процесса мифологизации, могут находиться археологи, этнографы, литературоведы и др. исследователи. Попытка посмотреть на проблему Пермского мифа полифокусно стала пробным экспериментом, в рамках которого появилась возможность панорамного обсуждения вопросов, затрагивающих социально-гуманитарную сферу развития современно-